

В долгу перед шахтерами

В Сталинском театре оперы и балета был обычный трудовой день. Но молодому балетмейстеру Кире Сапаровой он казался особенно значительным. Она была счастлива. Увидев главного балетмейстера Рамонову, Сапарова крикнула ей:

— Тамара Евгеньевна, наконец-то! Директор принял окончательное решение: мой «Красный мак» идет в этом месяце...

— Вы давно с ним говорили?

— Час назад.

— А я только что от него. Лунев сказал, что «Красный мак» отложен до осени.

Возбужденная и встревоженная, Кира вошла в кабинет Лунева. Директор отчитывал кого-то из работников театра и, скользя по девушке равнодушным взглядом, даже не пригласил ее сесть.

Срывающимся от волнения голосом Кира старалась убедить Лунева в том, что балет «Красный мак» должен непременно пойти до начала гастролей. Это нужно не только ей — выпускнице Московского государственного театрального института, но и театру, потому что донецкие зрители давно уже ждут этого спектакля.

— Павел Федорович, — говорила она, — всего полтора часа назад вы заверили меня... Два месяца мы репетировали, ночей не досыпали... И вот, когда спектакль готов, вы отменяете его. Это же ничем не обосновано!..

Руководитель, дорожащий собственным авторитетом и добрым именем театра и уважающий своих сотрудников, даже в случае явной необходимости отменить новую постановку спокойно ответил бы на доводы Сапаровой. Но у Лунева свой «стиль».

— Не обосновано? — закричал он на Сапарову. — Все обосновано уже тем, что я директор. Ясно? Не вам меня учить, малыши еще!

Наступила томительная пауза. Нарушил ее главный дирижер Е. Шехтман.

— Нехорошо получается, Павел Федорович, — заметил он. — Шесть раз художественный совет обсуждал экспозицию постановки Сапаровой, но, как я вижу, воз и ныне там... Спектакль-то ведь уже созрел!

— Вы обсуждаете, а я решаю. Все будет по-моему. Комментарии излишни.

— Нет, — возразила заместитель ди-

Заметки о театрах гор. Сталино

ректора театра Н. Юрьева, — комментарии весьма необходимы. Ведь «Красный мак» не обычная постановка, это работа дипломанта. За все мы все в ответе.

Лунев вышел из-за стола, настежь распахнул дверь и крикнул Юрьевой:

— Вон отсюда! Я запрещаю вам вмешиваться в мои творческие (?) дела!

Это, к сожалению, не единственный случай. Так директор театра обращается с творческим коллективом. И в этом — корень многих недостатков, характерных для театра.

У режиссеров и ведущих актеров в практической работе рождается немало вопросов, по которым хотелось бы побеседовать с директором. Однако они редко заходят к Луневу за советом, так как привыкли уже к тому, что он в лучшем случае, приняв какое-нибудь решение, через полчаса откажется от него, а в худшем — накричит и обидит. Лунев зажимает критику, пренебрежительно относится к подчиненным. Он не только недооценивает коллектив театра, но и клеветничает на донецких зрителей, утверждая, что шахтеры и металлурги якобы не любят оперу и ничего в ней не смыслят. По его мнению, которое он высказывает совершенно откровенно, оперный театр в Сталино следует закрыть и труппу его распустить, а затем набрать новую и открыть театр оперетты.

В театре снизилась требовательность к творческой работе. Между режиссурой и актерами нет настоящего контакта, рождающего общую заинтересованность в успехе коллективного труда. В театре нет условий, при которых могли бы полностью раскрыться творческие возможности певцов и артистов балета.

В беседах с рабочими металлургического завода имени Сталина, специалистами комбината «Сталинуголь», студентами Донецкого индустриального института мы слышали одни и те же отзывы: «Плохи дела в оперном театре, народ мало туда ходит. Советские оперы здесь большая редкость. Многие спектакли плохо подготовлены и не привлекают зрителей». Эта су-

ровая оценка взыскательных зрителей полностью отражает состояние дел в театре.

Театру многого не хватает. Труппа в минувшем году пополнилась молодыми артистами, но главным образом за счет женских голосов. Ведущие мужские партии опять-таки есть некому. Осталась значительная группа пожилых актеров, в известной степени уже утративших свои профессиональные качества.

Все это, бесспорно, создает затруднения, но не лишает, однако, театр возможности работать гораздо лучше, ставить спектакли на более высоком идейном и художественном уровне. Ведь сумел театр создать хорошие постановки опер «Молодая гвардия», «Бармен», балета «Шурале». В тех же условиях были приготовлены и спектакли «Черевички» и «Маруся Богуславка». Но, как небо от земли, они далеки от первых. И это потому, что решались они приемами традиционно-условной театральности.

Коллектив театра не воспитывается в духе высокого уважения к зрителю и к собственному труду. О том или ином спектакле здесь думают, пока он «новый». Пройдет пять-шесть постановок, и его зачислят в «устаревшие», начинают растаскивать: то заберут часть декораций, то костюмы. Бывает и так. Спектакль не шел три-четыре месяца. Неожиданно решают его возобновить. Но при этом ни о какой подготовительной работе и речи нет. «Декорации разобраны? — вопрошает директор — Ничего, мы их скомплектуем из других!» (Последняя картина оперы «Десять лет», например, в декорациях «Эсмеральды»). Костюмы помяты? — «Неважно, дело в игре артистов!» Актриса партии забыла? — «Ладно, суфлер подсказывает».

Неуважение к зрителю особенно сильно проявляется в частой замене спектаклей. Причем о замене порой до последней минуты не знают не только зрители, но и актеры. Недавно, например, заслуженная артистка УССР Е. Горчакова пришла в театр и начала готовиться к спектаклю «Конек-горбунок», в котором она танцует партию «Царь-девицы». Но только за час до спектакля ей сообщили, что вместо балета «Конек-горбунок» пойдет «Шурале».

Руководители театра еще не поняли того, что замена спектаклей — это обман и пренебрежение к зрителям.

Артисты театра создают на сцене образы людей нашей героической эпохи. Чтобы иметь на это моральное право, чтобы творить во всю силу своего дарования, сами артисты обязаны и в жизни быть носителями и проводниками прекрасного, соблюдать этические нормы. Облик артиста должен быть так же чист, как чист облик воплощаемых им на сцене образов советских людей.

Но некоторые творческие работники оперного театра забыли о высоком долге советского артиста и ставят личные интересы выше общего дела.

Об этом свидетельствует, например, история с ведущим артистом А. Коробейченко. Когда дирекция театра отказалась зачислить в штат его жену — посредственную певицу А. Коробейченко предъявил форменный ультиматум: «Или я с женой в театре, или театр без меня». Эту же фразу и с тем же анкетом не раз повторяла молодая певица А. Гусева, требующая зачисления в труппу своего мужа. К сожалению, никто в коллективе не подверг А. Коробейченко и А. Гусеву заслуженной товарищеской критике за проявление чуждых советским артистам нравов.

Но нашло по этой же причине надлежащей оценки и недостойное поведение артиста К. Малашенка. Он не обладает достаточной эстетической культурой, не работает над собой, не записал и вызывающе ведет себя в коллективе, не терпит критики. Недавно, услышав в свой адрес критические замечания одного из зрителей, К. Малашенко наотрез отказался выступить в концерте и демонстративно ушел из театра.

Эти явления свидетельствуют о слабости идейно-воспитательной работы в коллективе. Партийная организация театра насчитывает 30 коммунистов и представляет собой вынужденную силу, но работает крайне неудовлетворительно. Внешне как будто бы все есть — заседает бюро, проводятся собрания, организованы кружки, намечены творческие дискуссии. А по существу работа идет вхолостую. Вопросы, волнующих общественность театра, проблем, выдвигаемых самой жизнью, парторганизация не касается. Политическая учеба проходит формально. Творческие дискуссии, намеченные еще в феврале, до сих пор не проведены.

Музыкально-драматический театр имени Артема, выступающий на одной сцене с оперным театром, добился за последнее время определенных успехов, повысил идейно-художественный уровень своих постановок. Однако в творческой жизни коллектива еще не пазиты до конца существенные недостатки, мешающие ему успешно двигаться вперед. Театр не выполняет намеченных планов, нередко срывает сроки очередных постановок, а некоторые спектакли из-за крайне низкого качества быстро сходят со сцены.

Зрители охотно смотрят спектакли «Капун грозный» Н. Малайковского, «Не называя фамилий» В. Минко, «Пролетарская чаша» Ван Ши-фу, «Гроза» А. Островского и другие, в которых ярко проявилось искусство режиссуры и мастерство исполнителей. Однако постановки пьес «Яблоневая ветка» В. Добровольского, «Под золотым орлом» Я. Галана, «Сто миллионов» В. Собко и В. Балабана не привлекали к себе внимания трудящихся, и спектакли идут в полупустом зале.

Объясняется это просто: над последними постановками театр работал без должной требовательности, стремился только скорее сдать новый спектакль. В итоге — спектакли лишены тех достоинств, которыми обладают лучшие работы коллектива, актеры играют в них ниже своих возможностей, оформление бледно, сценические эффекты убоги.

Очень плохо то, что театр не имеет четкой репертуарной линии. В списке пьес, которые театр ставил в прошлом и ставит теперь, мало произведений советских драматургов, почти нет пьес М. Горького, Н. Франко, Л. Украинки, И. Тобилевича, писателей стран народной демократии. Отсутствуют пьесы о рабочем классе, особенно о жизни донецких горняков.

Слов нет, о Донбассе пьес написано еще очень мало. Но театр не проявляет интереса даже к тем произведениям, как, например, «Донбасс» В. Горбатова, которые давно уже идут во многих городах страны. Руководители театра при желании могли бы привлечь к созданию пьес на донецкую тематику местных писателей. Ведь создал же Ворошиловградский театр совместно с местным драматургом Ф. Вольным пьесу «Мера любви» — о героическом труде шахтеров.

Нельзя обойти молчанием и некоторые нездоровые явления в коллективе театра. Как ни странно, но здесь еще бытуют выражения: «мой» и «его» спектакль. На деле «мой» и «его» означают: один спектакль хороший, другой — посредственный или даже плохой. Если спектакль станет главным режиссер М. Смирнов, то ему почти всегда обеспечен успех. Дело здесь не только в творческом опыте и даровании М. Смирнова, а и в том, что подготовке таких спектаклей и дирекции, и сам М. Смирнов, и художники уделяют больше внимания. Хорошо был принят зрителями спектакль «Капун грозный», который готовил М. Смирнов вместе с молодым режиссером — выпускником Харьковского театрального института Я. Соловейчиком. Но когда Я. Соловейчику поручили самостоятельную постановку пьесы «Сто миллионов», она прошла незамеченной, зритель остался к ней равнодушным.

Почему так получилось? Да потому, что когда молодой постановщик готовил «свой» спектакль, М. Смирнов не оказал ему никакой помощи.

Удивляет то, что партийная организация и общественность театра мирятся с таким отношением к молодежи.

В том, что в донецких театрах медленно устраняются серьезные недостатки, виновно прежде всего Главное управление по делам искусств при Министерстве культуры УССР. Уместно будет привести такой пример. За последние два года в Сталинском театре оперы и балета побывало 19 различных комиссий, но ни один из возникших вопросов не разрешен до конца.

Мы уже говорили о том, что в Сталинском театре оперы и балета нет мужских голосов. Между тем, нужные актеры давно приехали бы в Сталино, если бы здесь им создали элементарные условия работы. Но они знают, что большинство артистов не имеет здесь квартир.

Сталинский обком и горком партии, советские органы должны проявить больше заботы об улучшении условий работы театров, повысить требовательность к их творчеству, добиваясь того, чтобы каждый спектакль донецких театров радовал благодарного, но взыскательного зрителя.

К. СТРАЗОВ.

(Спец. корр. «Правды Украины»)
г. Сталино.